

Третий звонок

Висящие на стене холла настоящие механические часы пробили одиннадцать вечера. Их мелодичный звон ручейками разлился по всему помещению театра — в гардеробную — ведь театр, как известно каждому, начинается с вешалки, в холлы, заставленные антикварной мебелью, поднялся по лестницам на второй этаж — туда, куда посетителям обычно входить не положено — в гримерные, в комнаты отдыха, забитые реквизитом кладовые, затопил зал.

К администрации города подъехала машина, распахнула дверь и из нее выскользнула и побежала ко входу в театр, пригибаясь под упругими струями теплого весеннего дождя, Наташа, одна из актрис. Добежав до дверей, она подергала за них и негромко постучала.

Сторож театра, пенсионерка Мария Петровна, недовольно приоткрыла один глаз и поднялась со стойки буфета, облокотившись на которую, она доселе дремала. Негромко шаркая по коврам подошвами старых ношенных-переношенных тапочек, она пошла открывать, попутно бросив случайный взгляд на висящие на стене часы.

- Кого там нелегкая принесла? – пробурчала она себе под нос, но дверь открыла. Наташа вихрем влетела в теплое помещение театра.

- Мария Петровна, добрый вечер! – актриса скинула плащ и отдала его пенсионерке. Та приняла, недовольно взглянув на Наташу.

- Мария Петровна, я ненадолго! – актриса юркнула в соседнюю дверь, ведущую прямо в холл театра и, негромко цокая каблучками по мраморным полам, унеслась куда-то на второй этаж. Сторож уже было пошла в гардеробную, но тут в дверь театра снова постучали.

- Не заперто! – крикнула Мария Петровна. Дверь распахнулась, и в прихожую вошел Николай Иванович, актер. Его коронной ролью был доктор из «Безумного дня», и актер так сжился со своим образом, что и в повседневной жизни был более чем похож на своего персонажа — серьезного, умного, с идеальными манерами и даже, пожалуй, в чем-то немного чопорного.

- Мария Петровна, добрый вечер, – густым баритоном произнес он, снимая пальто и протягивая сторожу.

- Добрый, добрый. А у вас репетиция сегодня?

Николай Иванович почему-то замялся.

- Нет... А что, еще кто-то из актеров в театре?

- Да. Наташа вот только что, прибежала.

- Да забыла что-то, небось. Молодежь, они все такие — ветер в голове.

- И не говорите, – улыбнулась Мария Петровна и отнесла вещи в гардеробную, повесив плащ и пальто на специально предназначенные для одежды актеров крючки. Сторож села у буфетной стойки и снова чуть было не задремала, как в театр вошли Ольга Ивановна и Игорь Ильич — тоже актеры, которые и в жизни были семейной парой, и на сцене играли только супругов.

- О! Мария Петровна, вечер добрый! – обрадовался сторожу Игорь Ильич.

- Добрый. А вы в театр в такое позднее время зачем?

- Да так, кое-что забыли, – ответила Ольга Ивановна.

- Ну проходите. А тут еще Наташа и Николай Иванович, тоже только что пришли, – заметила Мария Петровна, принимая одежду.

- Хорошо! – ответил Игорь Ильич, открывая перед женой дверь в холл.

Мария Петровна взглянула на часы — те показывали пятнадцать минут двенадцатого — и снова села у буфетной стойки подремать еще немного. У нее был тяжелый день — поход на рынок, гости, почту приносили — плату за свет опять повысили — и уставшее тело требовало отдыха, который, впрочем, сегодня ей получить, видимо, не удастся — дверь театра снова открылась, и в прихожую буквально вбежал Ян — актер «одной роли» —

Фигаро в одноименной постановке. Он буквально бросил Марии Петровне легкую весеннюю куртку, мокрую от дождя, сказав:

- Добрый вечер, Мария Петровна, вот, возьмите куртку. Прошу прощения, но я очень спешу! – и умчался на второй этаж, оставляя на ковре и ступеньках мокрые следы.

- Нет, точно репетиция, – сказала сама себе Мария Петровна, вешая куртки Яна, а также пожилого актера Дмитрия Васильевича, старожила театра, и пальтишко Анны Сергеевны, тоже «на минутку» забежавшую в театр. Все они скрылись на втором этаже — там, где и располагались гримерные и реквизитные кладовые.

Больше до одиннадцати тридцати в театр никто не приходил. Часы на стене пробили половину двенадцатого, и Мария Петровна снова села в большое кресло, стоящее прямо у буфетной стойки, и начала дремать. Но буквально через пару минут ее разбудили голоса, доносящиеся из холла:

- Антон Павлович, пренеприятнейшая сегодня погода, вы не находите?

- Пожалуй. Льет как из ведра, милейшая Светлана Владимировна.

- Ах, а я так не люблю дождь. Ведь куда приятнее, когда на чистом голубом небе светит теплое весеннее солнце. Тогда все вокруг словно оживает, расцветает новыми, волшебными красками...

Мария Петровна вошла в холл, оглянулась — но никого не увидела. Голоса были четкими, ясными — мужской глубокий, красивый, и тонкий нежный девичий.

- Мария Петровна, доброго вам вечера. Присоединитесь к нашей беседе? – голос шел от стены. Сторож повернулась и столкнулась взглядом с портретом А. П. Чехова. Мария Петровна могла поклясться на чем угодно, что говорил именно великий таганрожец.

- Почему бы и нет? Я уверена, Мария Петровна будет приятнейшим собеседником, – заметил портрет И. В. Степановой, одной из самых знаменитых актрис, когда-либо игравших в театре имени А. П. Чехова.

- Ну... я... – замялась Мария Петровна. – Для меня будет честью принять участие в вашей беседе.

Портрет Ирины Викторовны негромко и звонко рассмеялся.

- Согласитесь, сегодня малоприятная погода. Всю ночь — как будто на небесах река из берегов вышла, – заметил Антон Павлович.

- Англичане говорят: «Если бы не погода, нам бы не о чем было говорить», – заметила Ирина Викторовна.

- Да... – протянула Мария Петровна. – Но, согласитесь, более интересной темы для общения незнакомых людей просто не существует.

- Существует, – оборвал ее голос сзади. – Можно также поговорить о войне, о славных подвигах предков и грядущих великих деяниях потомков.

- Всеслав Иванович, с вами только о войне и можно говорить. Но ведь это грязь, кровь, смерть... Это не только подвиги, но и поражения, – ответила портрету генерала Ирина Викторовна. – А если мы можем встречаться только один раз в году, то давайте выберем другую тему для разговора.

- Какую? Война — вот истинная тема для настоящих мужских разговоров!

- Но ведь я — женщина. И Мария Петровна — тоже. И нам неприятно слушать про эти ваши выстрелы, раны... Давайте лучше поговорим об искусстве. Сегодня ставят удивительно интересную пьесу...

Но тут разговор портретов был прерван первым звонком, извещающим о том, что пора, пора заходить в зал и занимать свои места... Портреты ожили — Антон Павлович улыбнулся — и краска растворилась, оставив лишь слегка желтоватый холст. Те же перемены случились и с остальными портретами — актеров и актрис; жителей города, простых, изображенных занятыми своими нехитрыми делами; писателей, генералов и полководцев, проезжавших через Таганрог и побывавших в театре. А потом открылась входная дверь театра...

Мария Петровна побежала к прихожей и обомлела, увидев вошедшую публику — Антон Павлович под руку с Ириной Викторовной, о чем-то беседующие государь Александр Первый и основатель города император Петр Первый, и многие другие — знаменитые и не очень жители и гости города вереницей проходили через прихожую, холл и в открывшиеся будто по-волшебству двери зала...

Прозвенел второй звонок. Какая-то женщина (Мария Петровна была уверена, что видела ее на одной из картин, но не могла вспомнить, на какой именно) оттаскивала за руку от буфетной стойки мужа, приговаривая:

- Дорогой, пойдем. Уже прозвенел второй звонок.

Муж отошел, и они скрылись в толпе, наводнившей прихожую и холл. Вот уже приходили не только изображенные на картинах люди, но и совершенно другие — и также словно вышедшие из прошлых времен, неторопливые, чинные, они без суеты проходили через прихожую, улыбались и кивали удивленной Марии Петровне...

Из холла вышла Ирина Викторовна, подошла к сидящей Марии Петровне.

- Ну что же вы сидите? Пойдемте, вот-вот прозвонит третий звонок. И мы вам там место заняли — на первом ряду, рядом с Антоном Павловичем.

Сторож встала и пошла в зал, полный — все места уже были заняты, — а зрители все прибывали и прибывали, уже останавливаясь в проходах и у стен, отовсюду слышался возбужденный шепот:

- Что же они сегодня покажут?

- Не знаю, но в труппе будет играть Дмитрий Васильевич, а значит — пьеса будет отличная!

- Вы думаете?

- Ш-ш-ш! Вот-вот начнется! Потом наговоритесь, ночь впереди длинная.

- Простите великодушно...

Но вот прозвучал третий звонок, двери в зал бесшумно закрылись, неяркий свет, льющийся, казалось, со всех сторон, погас. Заиграла негромкая веселая музыка...

Занавес поднялся.

На сцену выбежала Наташа, уже в образе невесты, и негромко начала звать главного героя:

- Фигаро! Фигаро!